

«НИ С КЕМ Я НЕ СРАВНЮ...»

Вспоминает жена Марка Бернеса

без Марка! И ведь как-то живу... И ведь как-то смогла сбегать этот дом. А когда умер Марк, казалось — жизнь окончена.

Дети заставили устоять. Они как раз в тот же год оканчивали школу и поступали...

Ей было в то время сорок лет. Уже! Или всего? Но работать, как с Марком, ни с кем другим Лилия Михайловна не могла. Один раз попробовала съездить на гастроли смешанной группой и поняла, что больше не поедет. Ей предложили ездить одной, рассказывать о Марке. Она ответила, что это неприлично.

С Марком Наумовичем Бернесом Лилия познакожилась так.

Первого сентября он привел в школу, в первый класс свою дочь. В ту же школу и тот же класс Лилия привела сына. Дети сели за одну парту.

На первом же собрании учительница попросила родителей сестры на места своих детей. Марк Наумович и Лилия оказались за одной партой.

Это был тяжелый период в жизни Бернеса: его перестали снимать в кино — а считал он себя прежде всего актером. С концертами тоже дела обстояли худо: досадили кому-то из окружения Никиты Сергеевича Хрущева, не спел на бис.

Характер у Бернеса ершистый. Приспосабливаться, льстить, лебезить не мог. С ним и домашним-то было трудно, хотя про его любовь знала едва ли не вся артистическая Москва.

Ездил и всем рассказывал, как он влюблен. Говорил, что Лилия — его судьба. Лебединая песня... И что она, именно эта женщина, поможет ему подняться.

— Вы полюбили Марка Наумовича тоже с первого взгляда?

— Вряд ли... Я знала, что он — актер. Преклонялась перед его талантом. Было уважение. Вот оно-то и переросло в любовь. А Марк... Марк был удиви-

тельным человеком по отношению к женщине. Он чувствовал, что ей надо. И женщины любили его. Каждая считала, что она ему нравится.

— Вы ревновали?

— Что удивительно, нет!

— Почему?

— Наверное, потому что Марк Наумович никогда не давал мне почувствовать себя ниже... Мы не расставались ни на секунду. И когда его отправили в Польшу с концертом без меня, он заболел и слег. Ни одной поездки в СССР без меня не было. И умирая, он сказал фразу... Он сказал: «Если бы я мог взять ее с собой!»

— Хотя с ним было очень трудно. Марк требовал полного растворения и сердился, когда я сопротивлялась этому.

Когда мы поженились, я занималась на курсах французского языка и работала. Марк сказал: никаких курсов, будешь ездить со мной. Тут же поехал в бюро пропаганды советского киноискусства и оформил меня на работу. С тех пор я вела все его концерты.

— Вы не жалели, что ушли к такому человеку?

— Нет. Во-первых, у нас была разница в возрасте — 18 лет. Я видела в нем взрослого человека, который поможет мне в жизни. Не в смысле материальном — это у меня было. А в том, что больше меня знает, знает цену человеческим отношениям и будет ценить меня. Мне нужно было понимание. Я его получила.

— Во-вторых...

— Во-вторых? Это было настоящее. Годы, прожитые вместе, как одно целое. Дышим вместе, едим вместе, работаем вместе...

— Вы уже тогда знали, что это — настоящее?

— Нет. Это можно узнать, лишь прожив жизнь. Тогда я видела лишь моменты чего-то большого.

— Например?..

— Ну судите сами! Марка приглашают в Кремль на прием и присылают пригласительный на него одного. Кто бы себе позволил позвонить туда и сказать: «Извините, но я женат. Я один не приду».

Почему я ездила с Марком туда, куда никто из жен не ездил? Потому что он мог сказать: «Мне нужна эта поездка, но без жены я нигде не езжу».

* * *

— Марк умер 16 августа. Это была суббота. А в понедельник ждали Указа о присвоении ему звания народного артиста СССР. После смерти этого звания не присваивают.

За три недели до смерти он попросил, чтобы на похоронах никакой музыки не было. Это говорилось играючи, он не верил, что умрет. Потом позвал сына и попросил, чтобы тот съездил в Дом звукозаписи, переписал три песни. «Я люблю тебя, жизнь», «С чего начинается Родина?», «Журавли». Они и звучали в день похорон.

* * *

— Лилия Михайловна, а вы можете назвать самый счастливый день в вашей жизни с Марком Бернесом?

— Их было очень много. У меня было много по-женски счастливых дней. Он ценил меня. Ему нравилось, как я хожу, разговариваю, курю. Сам не курю, но приносил мне хорошие сигареты.

— А вы говорите, трудный...

— Не знаю... Жизнь такая сложная. У каждого все свое. И любит каждый свое. Мне кажется, человек должен быть верующим во что-то святое. Тогда и любовь его — святая.

У Марка Наумовича есть песня... «Как страшно, если вдруг тебя разлюбят, куда страшней, когда разлюбишь ты...» Помните? Так вот я все время думаю, так ли это? Что предпочтительнее — любить? Или чтобы тебя любили...

Чтобы — тебя...

И все-таки разлюбить, потерять любовь, потерять способность любить — страшнее. Подумайте-ка, страшнее! Вы согласны со мной?

— Не знаю...

Это я говорю, не знаю. Поэтому что пока люблю.

* * *

В наступившем июне у Лилии Михайловны сразу два праздника. Во-первых, день рождения. Во-вторых, 11 июня у киноконцертного зала «Россия» в Москве открывается Площадь звезд. Здесь будут заложены камни в честь любимых многими поколениями эстрадных певцов — Леонида Утесова, Клавдии Шульженко, Лидии Руслановой, Владимира Высоцкого, Виктора Цоя, Изабеллы Юрьевой, Вадима Козина и Марка Бернеса. Торжественная церемония начнется в 22.00. Приходите!

НИНА ФОКИНА,
спец. корр. «Труда».
МОСКВА.

ЖЕНУ Бернеса — Лилию Михайловну Бернес-Бодрову — я узнала в нелегкие времена. Ноябрь 1992 года. В Москве сыро, холодный и мокрый воздух, подземные переходы грязные, в углах черный снег вперемешку с мусором. По городу ходит грипп, форма его опять какая-то неизученная, рассказывают страсти... С другой стороны, никто уже не боится ни гриппа, ни страстей — устали, привыкли к грязи и к нездоровью.

Но с чего это вдруг мне понадобилось сейчас, когда все вокруг плохо, звонить этой женщине — жене Марка Бернеса, просить о встрече? Захотелось, спрашиваю себя, прикоснуться к чужой любви?

Да, наверное. К уходящей от нас, от меня человеческой драгоценности.

Я думала, отыщу жену Марка Бернеса и, если она согласится на интервью, приду в ее дом, мы поставим пластинку и будем слушать... Это в сырой-то Москве! В промозглом-то ноябре! Позабыла на какое-то время о замызганных переходах, лотках с импортными штанами, о нищих, калехах между ними...

Я только сейчас отметила для себя: пластинки, сколько раз была потом в доме Лилии Михайловны и Бернеса, мы ни разу не ставили. Я даже не знаю, есть ли они вообще в этом доме. Слушает ли их иногда Лилия Михайловна. Подозреваю, что есть, что слушает. Но спрашивать об этом почему-то показалось нехорошо.

Про катушки с первых, отечественных магнитофонов Лилия Михайловна сказала сама: все сдала в ЦГАЛИ, в государственный архив, сразу после смерти Бернеса. Там лучше условия для хранения, квартира для этого не годится. А что надо хранить записи Бернеса, Лилия Михайловна убеждена. И что Марк Наумович был великим актером, что вошел в историю советской эстрады, она тоже убеждена. Причем знала это всегда. И до встречи с ним. Поэтому какой может быть разговор — Марк Бернес, исполнитель советских песен, не ее, жены, собственность.

В доме остались лишь фотографии в рамочках на стене. Но и их немного. Дом есть дом, это не музей.

Когда умер Бернес, Лилия Михайловна надо было поднять — достать! — детей. А детей, как известно, растят в доме. А не в музее.

Пока они оканчивали школу, поступали и потом учились в институтах, пока у каждого не появилась своя семья, Лилия Михайловна из всех сил старалась держать дом в том виде и на том же, что при Бернесе, уровне. У детей, решила она, не должно появиться комплекса сиротства.

— Сейчас думаю: Боже мой, двадцать четвертый год я одна,